

лирический герой покидает дом. После преодоления преград солнце оказывается в его руках, но оно не светит. Самоотверженному воину открывается тайна: солнце испускает свет и тепло, если оно находится внутри человека (*«Лишь в груди горит звезда»*). Конфликт между небом и землей окончен, жизнь спасена. Однако ради сохранения мира лирический герой был вынужден пожертвовать собой.

Эволюция романтического героя творчества Виктора Цоя определяет характер художественного пространства. Пустое пространство дома, связанное с одиночеством лирического героя, становится местом родственных связей и тепла. Город чужой и пугающий в ранних альбомах, в поздних – символ всей человеческой цивилизации, пространство, освоенное лирическим героем. Конфликт между небом и землей ведет к разрушению мира и гибели всего живого. Жизнь, существующая в пространстве дома и города, нуждается в защите. Миссия лирического героя – спасти жизнь на земле. Ради этого он покидает дом, в который ему уже не суждено вернуться. Герой, все это время следовавший за путеводной звездой, ценой собственной жизни восстанавливает мировое равновесие.

Список литературы

Виктор Цой. Стихи, документы, воспоминания / авт.-сост. М. Цой, А. Житинский. – СПб. : Новый Геликон, 1991. – 366 с.

Доманский Ю.В. Циклизация в русском роке / Ю.В. Доманский // Русская рок-поэзия: текст и контекст : сб. науч. тр. – Тверь, 2000. – Вып. 3. – С. 99-121.

Замятин Д.Н. Метагеография: пространство образов и образы пространства / Д.Н. Замятин. – М. : Аграф, 2004. – 506 с.

Нежданова Н.К. «Крест» и «звезда» Виктора Цоя / Н.К. Нежданова // Русская рок-поэзия: текст и контекст : сб. науч. тр. – Тверь, 2001. – Вып. 5. – С. 142-151.

Яркова А.В. Мифопоэтика В. Цоя / А.В. Яркова // Русская рок-поэзия: текст и контекст : сб. науч. тр. – Тверь, 1999. – Вып. 2. – С. 112-118.

ОТ ПОЛЕВЫХ ЗАПИСЕЙ К КНИГЕ ОЧЕРКОВ (И.Я. АНТРОПОВ «БЫЛИ ИРБИТА»)

Н.О. Рявина

Научный руководитель: В.А. Липатов,
кандидат филологических наук, доцент (УрФУ)

В 2010 году во время фольклорной экспедиции Уральского федерального университета в городе Ирбите был приобретен сборник очерков местного краеведа И.Я. Антропова «Были Ирбита» (1992). Спустя год, в Ирбитском городском архиве была обнаружена часть рабочих

материалов автора, ставших основой для исследуемой книги. Помимо его собственных записей и черновых набросков некоторых глав, здесь представлена переписка собирателя с информантами, воспоминания ирбитчан, свидетелей ярмарочного времени и прочее. Эта находка дала уникальную возможность путем сопоставительного анализа установить степень обработки издателем полевого материала.

Начнем с главы «Кто как умеет» [Антропов 1992: 133-134]. Первоосновой стал рассказ Н.И. Дубских об извозе, их семейном ярмарочном промысле. Информант вспоминает, как мужики из его семьи ездили с овчинами на заработки, и завершает рассказ описанием случая, которому он сам был свидетелем в один из ярмарочных дней – спора мужиков о предположительно кривом кресте на церкви.

В книжном варианте за основу взят лишь интересный случай, а остальные факты сокращены до минимума: не упомянуто, что семья обычно возит овчины, необычный для этого года товар – мука – назван просто «сѣстным»: такова экспозиция.

Вместе с тем, сухой и безыскусный рассказ извозчика автор оживляет, где-то заменяя слова на более выразительные, с его точки зрения, где-то добавляя от себя целые пассажи, добываясь нужного эффекта¹:

«мужик продал его [воз] и купил
четверть водки»

«поставил в передок под сено»

«смотри лучше – тот жмет плечами»

*«довольный сделкой, приобрел четверть
водки»*

«укутав по-хозяйски тряпьем и сеном»

*«сосед внимательно и серьезно
рассматривает и, не найдя изъяна на
божьем храме, жмет плечами»*

Вносит он и элемент уральского диалекта, например, добавляя к словам частицу «то» или «от» [Вовчок 1964: 13]: «на церкви-то», «ведь набок крест-от».

Если рассказ информанта заканчивается на фразе «Уходят втроем. Как определили (кривой ли крест), я не слышал», то издатель смещает акцент, превращая этот спор мужиков в удачный пример ярмарочного шутилого («поймают – шучу, не поймают – мое» [Антропов 1992: 137]) воровства, рисуя в итоге незадачливого «Ивана без четверти [водки]», которую во время разговора ловко стянули его собеседники.

Как видим, рассказанный крестьянином факт здесь исходный только формально, он является лишь материалом для создания эффектных и метких образов – простодушного крестьянина и лукавых «шутников». Это одно из проявлений избранной автором очерковой формы:

¹ Здесь и далее справа представлен книжный текст, а слева его архивный первоисточник. Разночтения отмечены курсивом.

художественное осмысление жизненного материала. И это оправданно: ярмарка многолика, раз на раз не приходится – рассказанный эпизод вполне мог иметь именно такое завершение.

Некоторые главы сложены на основе воспоминаний нескольких очевидцев. Так, например, очерк «В банях Волковой» [Антропов 1992: 79-80] основан на свидетельствах Н.Ф. Жоховской и Н.В. Зубова. Рассказ первого информанта – описание бань, их обстановки, «славы» и расценок; второго – курьезный случай, связанный с их посетителями – подвыпившими купцами, потребовавшими зимой букет для своей «душеньки».

В книге главу открывает небольшая лирическая зарисовка о судьбе дома и хозяев: «*Водополье подточило окладники и он [дом] рухнул, как нет и хозяев, снесенных волной октябрьской революции*». Далее повествование оживляется отсутствующим в записях портретом хозяйки: «*Низенькая, полная, она, словно недремлющее око, успевала торговать номерами и зорко следить за работой obsługi*». В остальном описание интервьюеров, отзывов и цен практически ни в чем не отступает от первоисточника.

Второй рассказ дан практически без изменений оригинального текста, разве что автор позволил себе кое-где убрать повторяемое информантом в каждом предложении местоимение «я» и слегка изменил концовку истории. Рассказчику, увидевшему голую женщину, «стыд все лицо залил», он «бросил им букет и скорее из бани». В книге же герой оградился тем, что «опешил».

Подобная замена прекрасно отражает бытовавшие в городе ярмарочные нравы: не все ирбитчане были столь скромными, так, горничная на вопросительный взгляд садовника без тени удивления ответила, что эти гости просто «отдыхают».

Бывали на ярмарке и случаи «торговли людьми», о чем свидетельствует глава «Товар» [Антропов 1992: 38]. Ее первоисточники – статья из «Ирбитской жизни» (06.12.1911), а также свидетельства Д. П. Чинова и П. Т. Сосновских. Особый интерес представляет в очерке Антропова часть, основанная на полицейской хронике, фиксирующей попытку купли-продажи девичьей чести. Полная типичных административных штампов, фактов и цифр, она подана этнографом в форме очерка из ярмарочной жизни:

«назвался Федором Васильевым
Белобородовым, 56 лет»

«за содействием в достижении своей
цели обратился к извозчику № 42,
крестьянину Петру Терентьеву»

«все лица арестованы. Девушки будут

«крестьянин Белобородов, которому
было около шестидесяти лет»

«себе в помощники он привлек
извозчика»

«виновников арестовали, детей

отправлены домой»

отправили домой»

Изменения эти, особенно «девушек» на «детей», смотрятся куда более эмоционально выигрышно. И завершается зарисовка жизнеутверждающей пословицей – *«Все хорошо, что хорошо кончается»*.

Много воспоминаний оставили жители о своих именитых людях, купцах и фабрикантах. Одна из таких колоритных фигур описана в главе «Зязин» [Антропов 1992: 86], составленной из свидетельств Ф.Н. Кипкиной, В.В. Шеломенцевой и С.К. Кучиной, а также воспоминаний других старожилов, которые упомянуты в книге, но в архиве найдены не были. Очерк представляет собой, по сути, собрание анекдотов из жизни Д.В. Зязина, воспоминания в нем использованы не целиком, а фрагментарно и в существенной переработке.

Меньше всего изменен рассказ С.К. Кучиной о рыбе в пироге, подвергшийся лишь небольшой стилистической обработке и добавлению не изменяющих общего смысла, но обеспечивающих выразительность деталей. «Очень мелкая и дешевая рыба» стала *«грошовой мелкой рыбешкой»*, которую сноха не просто выкинула, а *«отдала кошке»*, заменив ее в стряпне не «другой, хорошей», а именно *«доброй рыбой, которую купила в лавке Рудакова»*. И рыба, которая в воспоминаниях лишь «подрастает», в очерке именно *«растет»* – сразу чувствуется, что размеры ее не просто слегка изменились, а существенно увеличились.

Все вставки и изменения здесь направлены на формирование у читателя как можно более полного и яркого образа скупого купца и его заботливой, хозяйственной помощницы.

Вторая история в этой главе, рассказанная В.В. Шеломенцевой, уже претерпевает значительные изменения. Воспоминания женщины, бывшей в доме нянькой детей сына купца и в ярмарку помогавшей прислуге за горничную, дан именно как рассказ горничной об одном из случаев хозяйской скупости. Ее рассказ о домашнем быте также дан в несколько ином ключе, по возможности отражающем образ мыслей хлопотливой работницы:

«в большом доме жили купцы, а обеды готовились в малом доме»

«комнаты сдавались в большом доме, а кухня в малом – по двору с кастрюлями, чашками бегали»

Довольно удачно подчеркнуты здесь автором купеческие нравы: приезжавшие обедать торговцы в очерке являются уже не с «арфистками», а просто с *«девицами»*, что, по сути, было одно и то же.

Какие-то факты из воспоминания сокращены и лишь упомянуты:

«вина с разноцветными картинками: с собаками, свиньями, коровами»

«этикетки на бутылках красочные»

Другие, наоборот, распространены:

«Мы решили попробовать из каждой бутылки по рюмочке. Затем вышли в соседнюю комнату и заснули»

«Зязин тогда свою дочь побил»

«И надо же, из каждой по маленькой, маленькой рюмочке попробовать соблазнились. А много ли нам надо! Чувствуем: тяжело. Вышли в соседнюю комнату и... заснули»
«Ох, и было!.. Мне досталось, а Тасе... Тасю хозяин тогда побил так, что доктор отхаживал!»

Эти замены пробуждают в читателе особое сочувствие, рисуя ему очень живые образы двух добрых женщин, лишь по своей бабьей слабости польстившихся на яркие этикетки и пострадавших при этом от тяжелой хозяйской руки.

Самые сильные изменения коснулись воспоминаний Ф.Н. Кипкиной о различных хозяйственных хлопотах купеческого семейства. Они разделены на несколько фрагментов и вплавлены в текст главы в разных ее частях, перемежаясь с рассказами других очевидцев событий, причем порядок повествования в рассказе отличается от порядка в исходных записях – отрывки взяты в произвольной последовательности и расположены в соответствии с логикой повествования, избранной издателем.

Рассказ о дочерях Зязина предшествует воспоминаниям горничной о совместной их с одной из дочерей проделке, а упоминание о невестке, ведущей бухгалтерию, следует как раз за анекдотом о рыбе в пироге, где главная роль принадлежит снохе.

Прежде чем перейти к выводам, необходимо напомнить, что издание книги И.Я. Антропова преследовало в свое время и определенный коммерческий интерес, то есть сборник изначально не позиционировался только как фольклорная коллекция, несмотря на то что в основе его, как нами было установлено, лежал большей частью фольклорный материал. Простая передача фактов здесь выглядела бы сухо, поэтому издание, основанное на конкретных данных, в первую очередь меморатах, становится документально-художественным, а факты, лежащие в основе очерков, образно осмысляются автором.

Как справедливо заметила Е.И. Журбина, размышляя о природе очерка, работа создателя художественно-документального произведения, даже если он ни на шаг не будет отходить от документа, будет отличаться творческим проникновением в существо описываемого [Журбина 1957: 91].

Непосредственные впечатления, размышления, ассоциации – тот материал, что был в меморатах-воспоминаниях, отобранных и очерченных самой жизнью и кропотливо собранных пытливым издателем от коренных ирбитчан – подчиняются единой внутренней теме, единому образцу.

Эта внутренняя мысль – та самая ярмарочная быль, вынесенная в заглавие книги.

Автору удалось, отбирая для повествования типические моменты, глубоко осветить существенные черты ярмарочной жизни, ясно выразить свое отношение к описываемому, достичь эффекта искренности и достоверности.

Таким образом, мы видим как талантливый собиратель, имея в основе живой полевой материал, путем творческой переработки создает уникальную книгу ярких и проникновенных краеведческих очерков.

Список литературы

- Антропов И.Я.* Были Ирбита / И.Я. Антропов. – Ирбит : Диамант, 1992. – 182 с.
- Вовчок П.А.* Краткий очерк фонетических и грамматических особенностей русских говоров Среднего Урала / П.А. Вовчок // Словарь русских говоров Среднего Урала. – Свердловск, 1964.
- Государственный архив в г. Ирбите. – Ф. Р-1011. – Оп. 3. – Д. 2. – Л. 25.
- Государственный архив в г. Ирбите. – Ф. Р-1011. – Оп. 3. – Д. 2. – Л. 30.
- Государственный архив в г. Ирбите. – Ф. Р-1011. – Оп. 3. – Д. 2. – Л. 34.
- Государственный архив в г. Ирбите. – Ф. Р-1011. – Оп. 3. Д. 2. Л. 36-37.
- Государственный архив в г. Ирбите. – Ф. Р-1011. – Оп. 3. – Д. 2. – Л. 39.
- Государственный архив в г. Ирбите. – Ф. Р-1011. – Оп. 3. – Д. 2. – Л. 43-44.
- Журбина Е.И.* Искусство очерка / Е.И. Журбина. – М. : Советский писатель, 1957. – 219 с.

ВОЕННЫЕ ПЕСНИ В УРАЛЬСКОМ РУКОПИСНОМ СБОРНИКЕ НАЧАЛА XIX ВЕКА

О.А. Михайлова

*Научный руководитель: Л.С. Соболева,
доктор филологических наук, профессор (УрФУ)*

Отечественная война 1812 г. вызвала небывалый патриотический подъем. С Урала на войну ушло свыше 40 тыс. казаков, башкирских конников, солдат регулярных полков. В этой среде рождалась и бытовала песня [История Урала 1976: 175]. Это могли быть виваты и гимны серьезного патетического характера, задорные солдатские песни или же лирические «плачи» о «белокаменной Москве-матушке». Многие песни практически забыты или совсем неизвестны. Память о них хранят только старопечатные песенные издания и рукописи начала XIX в. Один из таких рукописных сборников хранится в СОУНБ им. Белинского. Он содержит более 20 интереснейших военных и солдатских песен.

Основной целью работы было выяснить оригинальность этого тематического пласта сборника. Были поставлены следующие задачи: